

Личность в контексте культуры

Маргарита Резник

СМИРЕНИЕ, ПОСЛУШАНИЕ, МАЗОХИЗМ

Смирение и послушание как этапы подвижничества

Смирение – одна из высших добродетелей в христианской этике, противопоставляемая гордости (гордыне). Нередко по ошибке смирение отождествляют с бездумным и безответным послушанием каким-то авторитетам не от Бога или с тупой покорностью навязываемым жизнью обстоятельствам. Но в действительности смирение – жизнь в мире с Богом, свободное и мужественное согласие с его волей, ученичество у Христа и готовность брать на себя проблемы, которые из этого проистекают. Смирение, которому учит христианство, – по существу величайшее дерзание; с точки зрения мудрости века сего – непростительная дерзость, верх оптимистического безумия. Всерьез признавать себя малым и ничтожным перед Богом – значит всерьез поверить, что стоишь в некоем реальном отношении к Богу [1].

Послушание – один из атрибутов монашеской аскезы. Отказ от своеволия, «отсечение воли своей», совершенное самоотречение ради подлинной свободы духа. Все попытки осовременить психологическую атмосферу древнего подвижничества в духе современных представлений о суверенных правах личности претворяются о непонимание того, что послушание носит христоцентрическую природу и воля послушника здесь подчиняется и вверяется воле Божией через духовного наставника.

И смирение, и послушание – это лишь этапы пути или точнее подвижничества, наивысшей ступенью которого является мистическое созерцание, актуальное обретение всем человеком иного образа бытия. «Нужно отчаяться во всем: в наших нравственных качествах, в наших добродетелях... надо по-настоящему пройти через смерть... и в этой ситуации полного отчаяния у нас остается только одно – Личность Христа. Надо обратиться к Нему, и с этого момента начинается иной способ существования...» [2].

Мечта К. Юнга:
исцеление
человечества

«Иной способ существования» – это ли не цель, желанная для многих? Когда в 1910 году К.Г. Юнг предлагал превратить психоанализ в новую религию, его мечтой было исцеление человечества. Это должно было осуществиться, достаточно только создать модель человеческой природы. Психоаналитики начала прошлого века верили в преображение человечества. «Занимаясь психоанализом, они ставили эксперимент над собственной личностью, впуская в свои души тот ницшеанский опыт безумия, который обещал интеллектуальный прорыв от знака к концепту, к познанию последнего смысла вещей и обретению власти над ними» [3].

Россия была
притягательна
для З. Фрейда

Но что удивительно: «пациент по имени Россия отказался от участия в психоаналитическом сеансе» [4]. Наверное, именно поэтому З. Фрейда и его последователей так притягивало это место, где Европа и Азия вроде бы нечувствительно перетекают друг в друга и где поле для аналитического исследования беспредельно» [5].

Жесткая схема
психоанализа
и человеческого Я

Уже в начале XX века С.Л. Франк предупреждал о невозможности втиснуть в жесткую схему психоанализа человеческое Я, границы которого, по его словам, существуют только во времени, а за ним – вселенское единство, из которого мы все вышли [6]. Однако попытки продолжались. Разочарование сменялось недоумением: «Россия никогда не настаивала на своей сознательности. У России не может быть подсознания, потому что она сама есть подсознание» [7]. Эти попытки есть до сих пор.

«Рабская душа
России» и культ
страдания

В конце XX века выходит книга с одиозным названием «Рабская душа России. Проблемы нравственного мазохизма и культ страдания», которая представляет большой интерес в контексте сопоставления православного и психоаналитического понимания личности. Автор книги Д. Ранкур-Лаферрьер, доктор славистики, считается одним из крупнейших специалистов в США по изучению русской культуры методами психоанализа. Имеющаяся изначальная установка основывается на авторитетном мнении историков, политологов, философов и социологов: в России основной тенденцией является способность людей к самоуничтожению и саморазрушению. «Русские не просто страдают – они культивируют страдания» [8]. И вот тут появляется слово «мазохизм» – слово, означающее явление, мимо которого психоанализ пройти никак не может.

Мазохизм как
состояние чувства
вины

Прежде всего, необходимо дать определение этого явления, опираясь на самих же психоаналитиков. «Мазохизм – это любой поведенческий акт, выраженный в поступках, словах или фантазии, который реализуется через саморазрушение, унижение или нера-

зумное самопожертвование личности, и отрицательно сказывающийся на физическом или психическом состоянии человека» [9]. Это определение одного из известных аналитиков, приведенное самим автором. Доктор З. Фрейд считал, что мазохизм – «это состояние субъекта под влиянием бессознательного чувства вины, стремящегося занять позицию жертвы» [10]. «Чувство вины заставляет человека подвергать себя трудностям, избегать удовольствия, дающего радости жизни, вовлекаться в ситуации, где его ждут неудачи, искать отвержения и отношений, в которых нет взаимности, препятствовать помощи со стороны близких» [11]. Термин «мазохизм» психоанализ накрепко связывает с другим термином – «self-defeating» («поражающий сам себя»).

Перверзии
страданий

Врач-клиницист Г. Стрин, рассматривая случаи подобного саморазрушения, говорит о таких пациентах как о психически больных людях, у которых «страх перед тонкостью чувств и их уязвимость приводит к перверзии (выворачиванию) страданий и стремлению пациентов к грубым отношениям» [12].

Нравственный
мазохизм
Православия

Не устыжусь хрестоматийного примера и сравню автора и его подход с язычником, ввалившимся в Святая Святых храма. Этот букет «замечательных» особенностей нравственного мазохизма Д. Ранкур-Лаферрьер связывает прежде всего с Православием. Ключевым словом здесь является слово, которое сложно, по его мнению, перевести на английский язык. Это слово – «смирение».

Смирение может
быть мазохистским

Приведя анализ данного понятия, в котором смирение характеризуется как спокойное принятие судьбы, достигнутое через нравственное усилие и даже борьбу, Д. Ранкур-Лаферрьер тут же комментирует данный анализ: «При рассмотрении этой борьбы с психоаналитической точки зрения может показаться, что она осуществляется через самоуничтожение и саморазрушение, т.е. в определенных ситуациях является мазохистской» [13]. Автор отмечает, что еще З. Фрейд в очерке о Ф. Достоевском никак не мог разобраться с этой странной особенностью – смириться и каяться, – называя это «техническим приемом», ну а утверждение Ф. Достоевского о том, что «велика Россия смирением своим», привело доктора в полное недоумение. Что за парадокс: величие – и смирение? Казалось бы, одно должно исключать другое. Объяснение нашлось, конечно же, с психоаналитической точки зрения. «Гордость необходимо присуща разумному существу. Она может принимать даже форму смирения – эту са-

мую религиозную покорность, изобретенную христианами. Это явление известно в психоанализе, это «гордость аскета». Что типично для определенных проявлений мазохизма» [14].

Д. Ранкур-Лаферрьер комментирует жития любимых российских святых – преп. Сергия Радонежского и Серафима Саровского. О преп. Сергии Радонежском автор пишет: «Он носил грубое рубище, воздерживался от пищи и до изнеможения трудился. Бедность была для него высшим идеалом святости». О преп. Серафиме: «По свидетельству очевидцев, в течение трех лет преподобный питался только травой» [15].

Монашеский
аскетизм духовен

Если вспомнить определения мазохизма, то эти примеры кажутся, по меньшей мере, странными: разве воздержание или использование растительной пищи, а также физический труд являлись когда-либо причиной саморазрушения личности? Правда, уже на следующей странице автор признает, что «монашеский аскетизм имеет своей целью духовное совершенствование и единение с Богом» [16].

В России сложилось
множество понятий
для обозначения
религиозного
фанатизма

Пытаясь разобраться с уникальным явлением в Православии – жизнью юродивых, «которые своим провокационно-скандальным поведением вызывали агрессивно-садистские импульсы толпы» [17], Д. Ранкур-Лаферрьер все-таки находит примеры перверзии, как-то: «Пелагея Ивановна из монастыря в Дивеево как бы вызывала всех в общине на оскорбление и побои себе» [18]. Такие же примеры, с точки зрения автора, предоставляет и уникальная русская литература. Это же куда ни взгляни – одни юродивые: Сонечка Мармеладова, князь Мышкин у Ф. Достоевского, Влас у Н. Некрасова, доктор Живаго у Б. Пастернака. И с историей России автору повезло, здесь он тоже основательно потрудился, вот только не очень уверен насчет XX века, надеясь на возрождение монастырей, еще не уяснил, появится ли почва для его исследований, коснется ли это возрождение аскетически-мазохистских тенденций. Хотя и так есть много интересного: «В России существует развитая и многообразная терминология для обозначения различных форм религиозного мазохизма. Например, в русской теологической литературе добровольный отказ Христа от божественности, для того чтобы испытать человеческие страдания, часто именуется «кеносис». Смысл этого термина расширяется, когда ученые определяют подражание самоотречению Христа, как «кенотическое»: это линия нисходящей вниз уничижительной любви, которая находит удовлетворение в отверженности... *Кенотизм, ас-*

кетизм, монашество, юродство, самопожертвование – вот разные, хотя и часто пересекающиеся религиозные действия. Каждое из них заслуживает самостоятельного психоаналитического изучения...» [19].

Личность мазохиста

Ссылаясь на авторитетных аналитиков, озабоченных проблемами мазохизма, Д. Ранкур-Лаферрьер считает, что «мазохист как бы не имеет отдельной личности до тех пор, пока она не начинает страдать... Недостаток личностного индивидуализма является в той же степени нарциссической проблемой мазохиста, как и низкая самооценка, повторяемое самопоражающее поведение имеет целью завершение прерванного ранее процесса построения своего “Я”... Мазохизм – явление чрезвычайно личностное, и главное в нем – ощущение самого себя. Перестать быть мазохистом означает стать другим человеком, другим “Я”» [20]. Отмечая, что характерной чертой мазохиста является задержка развития собственного независимого *эго*, автор улавливает очень важную мысль, что создание заниженного и уничижительного восприятия своего «Я» делается для того, чтобы перенести образ идеального на того, от которого он может зависеть в питании и защите. Он приводит в связи с этим замечанием интересный пример: «Прославленный русский мазохист Аввакум постоянно искал пути отведения славы от себя и переноса ее на божественные персоны: “не себе славы ища, говори, но Христу и Богородице”» [21].

Специфика христианской аскетики

Надо отметить, что пока читаешь это исследование, ощущение карнавального вихря, упомянутое выше, не покидает тебя ни на минуту: все смешалось, все наизнанку, все наоборот. Но в конце вместо раздражения, которое хорошо объяснил бы психоанализ, приходит радость, так как очень многое становится ясным. Автор (а в его лице весь психоаналитический мир) не понимает самого главного: без Христа вся христианская аскетика, по мнению преп. Силуана Афонского, «становится лишь каким-то бесовским опытом самоистязания» [22]. Вот этим опытом и увлекается психоанализ. А христиан интересуют другой опыт: «Нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих» (Ин. 15, 13). Это Христос заповедовал Своим последователям, потому что Он Сам это сделал.

Смиренномудрие православных святых

Христиане подражают Христу, пришедшему в этот мир в «зраке раба», но это *смирение*, *кеносис* – не психологическое, а онтологическое состояние. Это отразил даже язык: смирение (*ταπεινωσις*) подвижника чаще именуют смиренномудрием (*ταπεινοφροσύνη*). То, что имел в виду Д. Ранкур-Лаферрьер, называя это мазо-

хизмом, т. е. смирение в обычном понимании, включает оттенки приниженности, убогости, разве что не забитости, но в смиренномудрии православных святых ничего этого нет. «Когда подвижник находится в середине духовного преуспеяния, тогда смиренномудрие держится у него или из-за немощи телесной, или же из-за каких-то неприятностей... когда же ум удостоверительно озарится святою благодатью, тогда душа начинает иметь смиренномудрие как бы естественным своим расположением. То смиренномудрие сопровождается большей частью печалию и упадком духа, а это радость» [23].

Не упивайся страданием, «не отчаивайся»

Почему радостию? Преп. Силуан Афонский призывал: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся», т. е. не упивайся страданием, не разрушайся, а не отчаивайся, так как христианин знает, что «ад есть этап пути, а не конечная точка... потому что Христос Сам прошел через этот опыт. Ибо еще прежде, чем мы пройдем через ад, мы знаем о победе Христа над адом» [24]. Здесь нет поражения, нет разрушения, здесь «мы причащаемся той бездне небытия, из которой Бог вызвал нас, когда мы еще не существовали. Мы переживаем отсутствие Бога как нашу экзистенциальную пустоту, и там, в этом вакууме, встречаем праотца нашего Адама, рыдающего и оплакивающего утрату рая. Таким образом, мы становимся причастны всему человечеству в его падшем состоянии и, отождествляя себя с ним в его падении, мы обретаем истинное значение себя и отрешаемся от гордыни; ...и в то же время мы сострадаем всем подобным нам грешникам, ибо разделяем их опыт, их отдаленность от Бога, их смерть» [25]. Любовь сострадательная не сентиментальна, а экзистенциальна, не по причине нравственного императива, а по причине общего опыта – недаром же на Руси женщины часто вместо «любовь моя» говорили «жаль моя»^{*}.

Христианство настаивает на богоданной свободе воли у твари

«Задержка в развитии собственного эго» в Православии связана с «отсечением воли своей». Это опять же связано с подражанием Христу, «ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца» (Ин. 6, 38). Однако христианство всегда настаивает на богоданной свободе воли у твари. Преп. Максим Исповедник различал две воли у человека – «природную» и «выбирающую» (гномическую).

^{*} В одной из глав Д. Ранкур-Лаферрьер, исследуя русский фольклор, в начале книги делает вывод о садомазохистском элементе в мировоззрении русских женщин.

Своеволие
и послушание

Послушание
основано
на личном
отношении

Своеволие – установка попустительства себе, это деятельность гномической воли, и отбрасывая своеволие и избирая послушание, мы вовсе не впадаем в безволие. Но, наоборот, можем свободно и полно осуществлять волю природную, влекущую к превосхождению падшего естества в соединении с Богом.

Возвращаясь к высказываниям Д. Ранкур-Лаферьера о недостатке личного индивидуализма мазохиста, необходимо указать, что «послушание основано на личном отношении, в то время как подчинение безлично... Сын во всем послушен Отцу, но не подчинен Ему. Он совершенно послушен, ибо совершенно и всецело знает Отца как Отца. Он не подчинен Ему, ибо подчинение предполагает несовершенное знание и отношение и, вследствие этого, необходимость принуждения» [26].

«Духовный путь христианина – это не бессознательное чувство вины, а сознательное подражание Христу. Который возлюбил врагов Своих, т.к. это единственный путь, которым Бог открывает Себя нам» [27]. А «кто больше любит, тот больше и страдает... но когда душа полна любви Божией, то от безмерной радости скорбит и слезно молится за весь мир» [28]. Этот истинный характер кенотического смирения несет в себе не саморазрушение, а самоисполнение, не избегание радостей жизни, а, по словам Иоанна Лествичника, «радостотворный плач». Мы... всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем; ...нас почитают умершими, но вот, мы живы; ...нас огорчают, а мы всегда радуемся» (2 Кор. 4: 10; 6: 9–10).

То, о чем пишет или в чем хочет разобраться американский аналитик, не имеет отношения к психологии, ибо обычные душевные качества, пройдя через горнило подвига, трансформируются; они утрачивают субъективность и делаются категориями не просто психологии, но «онтологической психологии», которая может уловить истинные причины сокрушений по поводу невозможности падшей тварной природы перемениться в Божественную, истинного страдания, оттого что не можем приобщиться к иному бытию. Подлинное знание о человеке начинаются там, где заканчивается психоанализ.

1. Василенко Л.И. Краткий религиозно-философский словарь. М., 2000. С.197.

2. Яннарас Х. Церковь – способ существования // Православная община. М., 2000. № 58. С. 40.

3. Гройс Б. Россия как подсознание Запада // Архетип. М., 1995. С. 72.
4. Жеребин А. О прошлом и будущем одной иллюзии // Бытие и время психоанализа. М., 2000. С. 27.
5. Там же. С. 73.
6. Франк С.Л. Психоанализ как мирозерцание // Путь. 1930. № 25. С. 3.
7. Гройс Б. Россия как подсознание Запада // Архетип. М., 1995. С. 73.
8. Ранкур-Лаферрьер Д. Рабская душа России. Проблемы нравственного мазохизма и культ страдания. М., 1996. С. 13.
9. Там же. С. 14.
10. Мазохизм // Лапланш Ж. и Поталье Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М., 1996. С. 112.
11. Masochistic personality disorder // Reber A.S. Dictionary of Psychology. L., 1995. P. 263.
12. Streaan Herbert S. Essentials of Psychoanalysis. N.Y., 1994. P. 90.
13. Ранкур-Лаферрьер Д. Рабская душа России. Проблемы нравственного мазохизма и культ страдания. М., 1996. С. 71.
14. Там же. С. 74.
15. Там же. С. 26.
16. Там же. С. 28.
17. Там же.
18. Там же. С. 29.
19. Там же. С. 34.
20. Там же. С. 113–114.
21. Там же. С. 115.
22. Митр. Иоанн Зизиулас. Богословие пр. Силуана Афонского // Церковь и время. 2000. № 2. С. 277.
23. Св. Диадок Фотикийский. Слово подвижническое. Добротолюбие Т. 3. М., 1993. С. 69.
24. Митр. Иоанн Зизиулас. Богословие пр. Силуана Афонского // Церковь и время. 2000. № 2. С. 275.
25. Там же. С. 276.
26. Прот. Александр Шмеман. Церковь. Мир. Миссия. Мысли о Православии на Западе. М., 1996.
27. Архиеп. Софроний Сахаров. Преподобный Силуан Афонский. Эссекс, 1990. С. 137.
28. Преп. Иоанн игумен Синайской горы. Лествица. Сергиев Посад, 1908. С. 76.

